

О ГЕНЕЗИСЕ ГОСУДАРСТВА У СЛАВЯН

Я.Г. Рнер

Могилевский государственный университет, Республика Беларусь

Традиционное в нашей литературе представление о государстве как *аппарате принуждения и насилия* едва ли имеет оправдание в истории.

Вспомним, что все древнейшие государства на Земле, от древневосточных и раннеантичных до средневековых варварских королевств и княжеств возникали как разросшиеся общины со старейшинами, превращавшимися в вождей-монархов (королей, князей, султанов, императоров...) по воле самих общинников. Первейшей причиной появления таких, назовем их *протогосударствами*, была необходимость организации общей жизни в условиях роста населения, выходявшего за рамки одной большой семьи или одного поселения и участвовавших столкновений с такими же соседними общинами.

Основными задачами таких *протогосударств* были упорядочение отношений между сообщинниками (организация совместных работ и распределение угодий для внутрисемейного пользования, разрешение возникавших проблем и конфликтов на основе единых обычаев), защита своего жизненного пространства, при нехватке – захват его у соседей. Для выполнения этих стихийно возникавших в общинах задач выбирались должностные лица. Постепенно право выбора закрепилось за наиболее ответственными общинниками, способными реализовывать решения, то есть за взрослыми мужчинами – воинами. Они и выбирали себе предводителей и, соответственно, спрашивали с них. Ф. Энгельс назвал такую организацию *военной демократией*.

Не все считают этот термин, укоренившийся в марксистской историографии, адекватным самому явлению. Но это с какой стороны посмотреть. Если рассматривать данную организацию развитием родового строя, первобытного общества, то термин справедлив. Если же видеть в ней ранний, примитивный вариант будущего государства, то термин неточен. Ибо вожди, как правило, получали иммунитет на время проведения военных операций, то есть обладали правами, ставившими их над обычаями. В процессе функционирования таких организаций вожди обрастали дружинниками, что позволяло им при благоприятных обстоятельствах закреплять свои исключительные права и полномочия за рамками экстремальных (военных) условий. С закреплением принципов наследования не только имущества, но и должностных (социальных) функций начинает формироваться правящее сословие, то есть происходит переход к подлинному государству.

Но возникавшая знать, являясь плоть от плоти в общинах своей, имеющей в них родовые и культурные корни, еще долгое время должна была считаться со своими «рядовыми» соплеменниками, не могла их принуждать. Вспомним наши знания о ранних (варварских в Европе) королевствах (у германцев) и княжествах (у славян). Были военные предводители и дружинная элита вокруг них. Они, помимо организации обороны от соседей и нападений на них, исполняли межобщинные административные, судебные и фискальные функции. Но не полицейские. Но это у дружинников не было ни полномочий, ни сил. Ведь основой военной организации оставалось всеобщее военное ополчение. Ни о какой эксплуатации, то есть принуждении рядового населения, не могло быть и речи. Ни франкские конунги и герцоги, ни великоморавские или древнерусские князья не имели ни прав, ни возможностей принуждать соплеменников к чему-либо сверх освященного традицией. Не случайно в возникавших резиденциях знати работали неполноправные (сервы, челядь). Поборы, дани, собиравшиеся с остального населения возникавших образований были, в значительной степени, добровольными платежами за

возникавших образований были, в значительной степени, добровольными платежами за исполнение организационных функций, о чем писал еще Тацит. Лишь постепенно, с усложнением возникавших образований, с увеличением столкновений между ними, с закреплением стихийно возникшего «разделения труда» между военно-административным слоем и основной массой населения, формируется правящее сословие и возникает государство именно как орудие эксплуатации.

В Западной Европе о таком государстве можно вести речь со времен Каролингов, то есть с VIII в., в Центральной и Восточной Европе – примерно с X в., с появления власти Пястов в Польше и победы Пржемысловичей в Чехии. Характерный рубеж появления государственности у восточных славян – известная победа Ольги над древлянами, закрепившая право знати применять насилие при осуществлении властных функций. На Балканах основные государственные образования формируются к тому же времени. Лишь у болгар, благодаря влиянию Византии, государство складывается к IX в.

Показательно распространение у западных славян в период складывания их государственности так называемых «служебных деревень», в которых проживало зависимое население, обслуживавшее князей и находившихся при них дружинников. Эксплуатации остального населения на контролируемой князьями территории еще не было.

Заметим, что подобных поселений в западноевропейских «варварских» королевствах не было, что было связано с ранним оседанием там дружинников на землю. Территориальная разбросанность знатных семей не требовала концентрации зависимых в особых поселках. В этом, кстати, одна из причин более динамичного социального, в том числе и государственного развития в Западной Европе. Славянский мир, не знавший традиций существования передающихся по наследству отчуждаемых земельных владений, медленнее подходил к идее отчуждения власти.

Итак, в истории *государства* как явления был период, когда оно только складывалось, выросло из первобытных традиций и было лишено эксплуататорских начал по отношению к своему населению. Этот период был весьма длительным, в варварской Европе, например, охватывал несколько столетий. Но, даже возникнув, функция принуждения в ранних государствах едва ли была, поначалу, ведущей.

Мы теперь склонны воспринимать государство как некоего монстра, проникающего во все поры нашей жизни. Таков наш исторический опыт. Но обратимся хотя бы к раннему средневековью. При тогдашнем разреженном населении и примитивных коммуникациях как мог ощущать государство живущий среди лесов и пустошей крестьянин, к которому, если не было военных походов, человек князя (короля) являлся едва ли чаще раза в год? Мы знаем жизнь тех столетий по сообщениям книжников (летописцев и хронистов), живших или при резиденциях правителей, или рядом, в крупных монастырях. Но ведь было и «безмолвное большинство». Лишь к X-XII вв. в Западной Европе, к XI-XIII вв. в Центральной и Восточной понятие подданства и зависимости от власти стало всеобщим. И только этому времени на основной территории Европы государство стало соответствовать распространенным теперь представлениям. Там же, где правящий слой вызревал, в силу разных причин, медленнее (Скандинавия, альпийские земли – Швейцария, Экваториальная Африка, Мезоамерика), такие государства сложились еще позднее.

Исходя из изложенного, в рассуждениях о государствах средневековья, особенно о его ранних этапах, нельзя применять современные критерии. То есть государства были, но иные, без преобладания функций принуждения.